

ТЮРКИ БУДЖАКА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

История тюркских народов, заселявших Причерноморье, связана с предшествующим золотоордынским периодом, когда тюркские, монгольские и другие кочевые племена совершали колоссальные пространственные перемещения, сменяя одни этнические образования другими или образуя новые. Население Золотой Орды отхлынуло в свои восточные пределы, где впоследствии сформировались локальные татарские ханства: Астраханское, Казанское и Ногайская орда — Улус мангытов, кочевавший между Яиком и Эмбой (Лэн-Пуль Стенли, 1899, с. 199). В Северном Причерноморье образовалось Крымское ханство, занявшее полуостров Крым и прилегающие материковые земли. Эти образования послужили источником кочевых орд, из которых затем в течение почти трехсот лет шло их передвижение на запад; в итоге ими оказались заняты все степные просторы вплоть до Дуная и Прута. С золотоордынских времен в Европе сложился их общий этноним — «татары». Однако татары никогда не были единым народом, представляя собой несколько десятков этнических образований, переживавших в XV-XVII веках стадию формирования феодальных народностей и находившихся на разных уровнях общественно-экономического развития, что определяло сложность взаимоотношений их между собой и с соседями.

Завоевание северопричерноморских центров Османской империей, происходившее на фоне становления и развития Крымского ханства, вызвало мощный приток тюркских племен в степи региона. Извечные «распри степных племен» служили процессом кристаллизации новых образований. Субстратом татарских объединений в степях Северо-Западного Причерноморья явились давно обитавшие здесь полукочевые и кочевые тюрки, включавшие и нетюркский компонент. Позже к ним присоединились восточные татарские племена, миграцию которых вызвало разрушение поволжских ханств российским государством.

Заселение степи междуречья Днестра и Прута тюрками представляло собой длительный, почти не прекращающийся процесс миграций разных этнообразований не только с востока, но и с юго-запада. Этот фактор составляет отличительную особенность исторического процесса в исследуемом регионе. Изучение вопроса весьма затрудняет односторонность письменных источников, в основном европейского происхождения, редких — ближневосточного, и полное отсутствие письменных сведений со стороны самого объекта исследования.

Из числа более ранних в низовьях Дуная и Днестра известны формирования добруджинских и белгород-

ских татар, европейские названия которых происходят от утвердившейся к тому времени топонимики и скрывают их подлинные этнонимы. Добруджинские и белгородские татары составили часть субстрата будущей Буджакской орды. Отсюда следует первоочередная задача осмысления происхождения, этно-социального состава и характера развития этих образований. Поскольку о добруджинских татарах в письменных источниках мало сведений, приходится обратиться к логическим построениям, памятуя при этом о их относительности в исторической науке.

Не ясно, представляли ли добруджинские татары один этнос или были полиэтничным объединением в определенные периоды времени, но, несомненно, что на протяжении позднего средневековья под этим названием в письменных источниках объединялись разные племена. В течение XV-XVIII вв. состав их все время видоизменялся, представляя из себя специфические этнообразования тюркского происхождения, включавших потомков печенегов, торков и половцев, а также ногайские племена, сформировавшиеся в XVIII веке Добруджинскую орду. Часть тюркского населения, проживавшая в Задунавье, образовала «Огузскую державу» [Озю], занимавшую в XIV веке полосу земли от Бургасского залива до Южной Бессарабии (Губогло М.Н., 1969, с. 102-103). Как свидетельствует Анна Комнина (1083 - ок. 1148 гг.), скифы начали сменять кочевой образ жизни на оседлый или полuosедлый еще к середине XII века. Под скифами она подразумевала печенегов, торков и половцев, отметив, что они «стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу» (Комнина А., 1965, с. 201). Очевидно, что кочевое скотоводство описываемого народа трансформировалось в отгонное, то есть пастушество, а в качестве сезонных пастбищ ими могла вполне использоваться и степь к северу от Дуная. На территории днестро-дунайского междуречья в XIII-XIV вв. проживали потомки этих «скифов», теперь называемые куманами. Они оказались под властью Золотой Орды и составили основную часть ее населения в западной части Дешта.

Несмотря на то, что в 1300 году золотоордынский темник Ногай был разгромлен, его улусы продолжали проживать в низовьях Днестра и Дуная. Одна из ставок Ногай располагалась где-то неподалеку от Исаки на левобережье Дуная. Некоторые современные исследователи связывают ее с бассейном реки Алияга, впадающей в озеро Китай, сопоставляя с пахимеровской Аллагой (Дрон И.В., 1992, с. 20), с чем нельзя согласиться, так как из труда Георгия Пахимера следует, что Аллага - это не местность, а населенный пункт, рядом с которым находилась новая обитель,

куда перенесли умершего царя Михаила Палеолога (события 1282 года), и куда тохарцы, как называет автор золотоордынцев Ногай, прибыли для соединения с царем (Пахимер Г., 1862, с. 487-491). Описанные события происходили не в Буджаке, и здесь не имеется ввиду место их обитания, тем более ставка Ногай.

В последней трети XIV века в южной части междуречья Днестра и Дуная какое-то время в рамках Золотой Орды обитала татарская орда бега Диментера, откочевавшего сюда после поражения в битве на реке Синюхе. Позже, переправившись через Дунай, эта орда поселилась во владениях валашского господара Мирчи Старого (Параска П.Ф., 1981, с. 103). “Татарские” орды вели подвижный образ жизни, помимо скотоводства занимаясь, главным образом, набегами.

Расширявшие со второй половины XIV века свои владения в Подунавье румыны теснили тюрок в Северную Добруджу и за Дунай. В Южной Бессарабии и в XV веке сохранялось какое-то число куманов (Тунманн, 1991, с.54-55; Добролюбовский А.О., 1986, с. 77). Владея в начале XV века левобережьем дельты Дуная, в 1403 году Мирча Старый захватил расположенную рядом Килию и именовал себя “господин татарским странам” и “всей земли басарабской” (Материалы для взаимных отношений..., 1887, с. 4, 14). Не исключена поэтому вероятность обитания здесь в тот период добруджинских татар, составлявших одно целое с татарами левобережья Дуная.

В письменных источниках добруджинские татары часто упоминаются вместе с белгородскими. Так, в 1521 году два крымских султана (из рода Гиреев) увели с собой “к Ядрину полю” улусы белгородских и добруджинских татар численностью около 20 тысяч (Сборник РИО, т. 95, с. 678). В “Сочинении Михаила Литвина” 1550 года “белгородские и добруджинские татары, живущие на границе Молдавии”, названы “соучастниками” перекопских татар (Мемуары, относящиеся к истории..., 1890, с. 6). Причем, белгородские чаще упоминаются первыми, а добруджинские — за ними. “Татары добруджинские, живущие при Дунае”, часто следуют за крымским ханом по приказу султана на войну, сообщает в 1578 году Марцин Броневский (Броневский М., 1867, с. 364). До XVI-XVII вв. добруджинские татары сохраняют свою обособленность. Во время военных событий 1595 года на юге междуречья они тоже принимали участие в акциях, но как незначительная сила. Это видно из письма казачьего сотника Делевковича императору Рудольфу II: “Несколько тысяч татар, оставшихся от орды, стояли... в Чубурчиу (Чобручи — С.П.), выше Белгорода, вместе с добруджинскими татарами, которых было немного, и с собравшимися вокруг Белгорода, по точным сведениям господара (Арона Тирана — С.П.) их количество доходит только до 9 тысяч” (Исторические связи..., т. I, с. 204-205). В Хотинском мирном договоре 1621 года в пункте 2 перечислены “татары добруджинские, белгородские, тягинские, килийские, очаковские, крымские” (Османская империя..., 1984, с. 190), названные исключительно по признаку основ-

ного места обитания. Еще об одной тюркской группе известно из мемуаров Эвлии Челеби, побывавшего в 1652 году в Добрудже. Это — читаки, говорящие на языке, похожем на турецкий, и населяющие одну из областей “Узи-еялета”. “Узи-еялет”, столица которого находилась в Силистрии, занимал северо-восточную часть Балканского полуострова, состоял из восьми областей: Никопольской, Лозенградской, Видинской, Кылбуданской, Силистринской, Бендерской, Аккерманской и “Узи-санджак” (Озю). Последний, где проживали читаки, это — Добруджа. Поскольку язык узов относится к тюркской группе, и читаки XVII века — их потомки, то вполне возможно, что это население в XVI веке именовали добруджинскими татарами. Есть предположение, что турки-читаки проникли на территорию средневековой Молдовы в местность к северу от Тигины (Бендер) как раз в XVI веке, что зафиксировано летописцем Григорием Уреке под 1583 г. (Дрон И.В., 1992, с. 28), хотя можно предположить, что так молдоване именовали юрюков (см. ниже).

Также сложно представить происхождение и состав образования или образований, известных как белгородские татары, именуемых иногда “белгородскими казаками”. Эти, скорее всего, полиэтничные объединения, получили свое название от Белгородской степи, где они обитали, обычно в литературе не конкретизируемой и как бы притянутой к Белгороду на Днестре. Между тем, Белгородская степь, раскинувшаяся от Дона до Днестра и даже Дуная, входила в прежние времена в Дешт-и Кипчак как его западная часть и едва ли была безлюдной. На всей ее обширной территории для исследуемого периода известно не менее пяти городов с названием Белгород, и трудно даже вообразить, сколько групп населения существовало на степных просторах. Лишь гораздо позднее “белгородских татар” стали связывать с именем города на Днестре, которое у поляков звучало как Бялоград, у русских — Белгород. Наименование Аккермень, Аккерман (в персидских источниках Акджа-Кермен), утвердившееся в золотоордынский период, позволило гораздо позже часть белгородских татар именовать аккерманскими (Броневский М., 1867, с. 364).

Субстратом белгородских татар явились предшествовавшие им кипчакские племена, объединявшие разнородное население под общим именем “половцы”, данным им русскими источниками, и составлявшие основное население Золотой Орды, сохранившееся в степях после ее распада (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.231; Плетнева С.А., 1982, с. 61, 118, 120). В середине XV в. на левобережье низовьев Днестра известны потомки орды Ногай: ногайские улусы обозначены в этом месте на карте Бианко 1436 года (Брун Ф.К., 1880, с. 353). Белгородская степь издавна служила ареной действия различных тюркских племен.

До середины XV века в землях между Южным Бугом и Днестром еще как-то сочетаются литовские владения (замки) и татарские кочевья, но во второй половине XV века окрепнувшее Крымское ханство вытеснило

Великое княжество Литовское из степной зоны, и территория вплоть до Днестра вместе с населявшими ее племенами вошла в состав материковой части ханства. Об этом читаем в трактате “О двух Сарматиях” Мацея Меховского: “Татары-улары владеют землями вплоть до Белого замка”, очевидно, имеется ввиду Аккерман; “кругом в степях живут татары” (Меховский М., 1934, с. 91, 106).

Этническая принадлежность белгородских татар не совсем ясна, но, вероятно, в основной массе они не были ногайцами. Ногайцы XVI- XVII вв. — кочевники, а местные татары вели, в лучшем случае, полукочевой образ жизни, имея постоянные селенья, и, таким образом, более близки крымским татарам. Мацей Меховский среди татарских орд, известных в Европе к началу XVI века, перечисляет Заволжскую, Казанскую, Перекопскую и Ногайскую; последняя, “называемая москвитями Большой ордой, молодая и недавно существующая. Это оккасы или ногайские татары” (Меховский М., 1934, с.60). По его данным все эти орды находятся пока далеко на востоке, за исключением Перекопской, к которой относятся татары-улары, то есть крымские татары.

После 1484 года, когда султан Баязид II пожаловал хану Менгли-Гирею земли вдоль правого берега нижнего Днестра, составившие мюльк крымского хана, здесь могли располагаться белгородские и крымские татары. Эвлия Челеби в середине XVII века этих татар именует прибрежными и отмечает, что они находятся под властью ханского чиновника — прибрежного аги, находящегося в Ханкышле — татарском селении неподалеку от Аккермана, подати платят в Очаков, подчиняясь, таким образом, калге крымского хана и очаковскому вали — представителю султана. Со строительством Очакова часть Белгородской степи, прилегающей к новой крепости, стали называть Очаковской и татар, обитавших между Перекопом, именованным тогда Ор, и Очаковым - очаковскими.

Кроме белгородских татар крымского хана, в военных акциях султана Баязида II участвовали золотоордынские татары ногайских улусов Муртазы (Муртады) — сына последнего хана Золотой Орды Ахмада — теперь Большой Орды, и сопровителя двух братьев — Шайх-Ахмада, великого хана, и Сайд-Ахмада, враждовавших между собой и с Менгли-Гиреем (Скржинская Е.Ч., 1971, с. 186). По договору с султаном, Муртаза несколько лет, до начала 90-х годов XV века, кочевал со своими улусами между Килией и Аккерманом. В самом начале XVI века его брат Шайх-Ахмад, потерпев политическое крушение, тоже намеревался найти здесь пристанище, но получил отказ от султана, а крымский хан разбил его войско.

Какая-то часть татар, подвластных крымскому хану, сопровождала в Аккерман и Килию младшего сына Баязида II Селима (будущего султана Селима I) в 1511 году. Хотя высказано предположение, что в междуречье Днестра и Дуная белгородские татары осели на постоянное проживание в период между 1510-1520 гг. (Гонца Г.В., 1984, с. 135), скорее это были спорадические и кратковременные явления, и к тому же не вполне корректно выражение

“осели”, поскольку речь все же идет о кочевниках, не изменивших образа жизни. В нашем распоряжении пока нет фактов, подтверждающих “оседание”. Конечно, можно допустить приток населения в степь в связи с крымским бедствием 1533 г., но, как правило, в улучшившейся ситуации татары вскоре откочевывали обратно. В основном, бессарабскую степь — Буджак — стали заселять уже во второй половине XVI века, когда княжество Молдова полностью утратило свою независимость, а Османская империя укрепилась в землях к северу от Дуная, но об этом — чуть ниже.

Этимология слова “Буджак” не связана, на наш взгляд, с “угольностью” (от слова “угол”) как традиционно принято считать, начиная с Димитрия Кантемира. Перевод слова “висад” как угол, треугольник не точен. Это тюркское слово, означающее район проживания, местность — уголок, укромное место, донные сохранилось в топонимике междуречья Днестра и Прута и Добруджи как название населенных пунктов, озера в южной части дельты Дуная и пр. В XVII-XVIII вв. Буджакской степью могли называть всю степь Северо-Западного Причерноморья, где обитали тюркские племена, которых на картах этого времени обозначали одним словом “буджаги”, однако в исторической географии понятие Буджак закрепилось лишь за степной зоной междуречья Днестра и Дуная, исключая левобережную придунайскую низменность. Территориально оно лишь частично соответствует понятию Южная Бессарабия или Бессарабия (до XIX века).

Вместе с армией султана Баязида II в днестродунайском междуречье появилась своеобразная категория кочевого населения — юрюки, прибывшие в составе ополчения (Киртоагэ И.Г., 1992, с. 22, 50, 65). Юрюки — турецкие кочевники, относящиеся к субэтнической группе тюрков, до сих пор не слившиеся с турками и имеющие татарско-ногайские корни. Османцы переселили их племена в Румелию, расселив частью по северной границе вдоль Дуная от Аккермана до Бендер (Еремеев Д.Е., 1971, с. 142). Во второй половине XVI века в междуречье Дуная и Днестра кочевало 16 “дымов” юрюков: 11 — в аккерманских землях, 4 — в бендерских, 1 — в килийских (Киртоагэ И.Г., 1992, с. 23). Юрюки служили личным резервом султана и свободно передвигались в пределах отведенного им района, неся своеобразную пограничную службу.

Понятие “буджакские татары” появилось позднее, чем “добруджские” и “белгородские”, и также носит условный историко-географический характер, далеко неоднозначный на протяжении всего времени существования буджакских татар. Возможно, именно этим объясняется разноречивость в справочно-энциклопедической литературе (например: “Encyclopaedia of Ukraine. Vol.I A-F1984, p. 227; Довідник з історії України, 1993, т. I, с. 290-291) и научных трудах (Дрон И.В., 1992, с. 17 и др.). Термин “буджакские татары”, безусловно, является экзополитонимом, который прилагали к разным группам населения, и

лишь, в конечном счете, он стал обозначать ногайцев, поселившихся в степной зоне региона.

“Тот народ, который русские источники называют ногайцами, у Абул-Гази (Родословная тюрок, издание Демезона) и в других восточных источниках того времени всегда именовался мангытами” (Бартольд В.В., 1968, т. V, с. 556). Мангыты стали основным населением причерноморских степей в XVII веке. Однако их первое массовое переселение в земли междуречья Днестра и Прута относится к 1569 году, когда непосредственно с Волги, после неудавшейся попытки османцев — Селима II и инициатора предприятия, беглербега Кафы, Касима-паши — силами мангытов прорыть канал между Волгой и Доном, тридцать тысяч семейств астраханско-ногайских татар были депортированы в центральную часть засушливой бессарабской степи (Тунманн, 1991, с. 55; Бертье-Делагард А.Л., 1902, с. 60). Названная цифра сомнительна, и нам не известен ее источник. У Дмитрия Кантемира, трудом которого, возможно, воспользовался Тунманн, указано “более тридцати родов ногайских татар” (Кантемир Д., 1973, с. 25). Тем не менее, астраханские ногайцы, трудно приживавшиеся в Буджаке, являли собой не только постоянный очаг недовольства и агрессии, но и немалую военную силу. Известно, что в 1574 году ногайские отряды приняли участие в разгроме объединенных сил молдавского войска очередного претендента на престол Иона Водэ и казаков наемника гетмана Яна Сверчовского, ротмистра пограничной службы (Яковенко Н.М., 1997, с. 153), значительно укрепив позиции османцев. И, вероятно, они же совершили антиосманскую акцию в конце XVI века, разрушив крепость в Татар-Бунаре. К сожалению, дальнейшая судьба этой группы населения не известна, но, возможно, именно она составила ядро объединения, послужившего основой будущей орды.

В исследуемый период развитие мангытского этноса привело к зарождению нескольких субэтнических групп, обособлявшихся территориально. В дальнейшем, кроме астраханских, образовались акногайцы, караногайцы и собственно ногайцы, общими предками которых были мангыты. Необычно сложилась судьба мангытов, попавших в Крым, но это — отдельная тема, а здесь рассмотрим лишь некоторые аспекты их истории, связанные с Буджаком.

Новый приток ногайских татар в Белгородскую степь из Крыма отметил в 1606 году Станислав Жулкевски, объяснив его продовольственным кризисом на полуострове (Новосельский А.А., 1948, с. 101). Вновь прибывшие на материк мангыты во главе с Хантемир-мурзой из крымской ветви рода Мансуров (Мансур — сын золотоордынского эмира Идегу, Едигея русских летописей) вскоре возглавили белгородских татар, образовав Белгородскую орду. Белгородская орда действовала на причерноморских просторах от Крыма до Добруджи, но главным направлением ее агрессии была Центральная и Восточная Европа. Можно предположить, что поскольку главная ставка Хантемира в определенный период находилась в Аккермане или

под Аккерманом в Буджаке, со второй четверти XVII века европейские источники эту орду стали называть Буджакской.

С именем Хантемира связано начало становления Буджакской орды как потестарно-политического организма. Проводя крайне жесткую политику, Хантемир-мурза подчинил своей власти татарские племена Белгородской степи, в том числе междуречья Днестра и Дуная. Главой другой белгородской орды был его зять — Урак-мурза (князь Петр Урусов). Отколовшись в 1622 году от Крымского ханства, Хантемир-мурза принял османское подданство и получил титул “визиря, правителя берегов Черного моря и устья Дуная с Силистрией и Аккерманом” (Новосельский А.А., 1948, с.186), то есть фактически сделался властителем северо-восточной части Румелии, включающей земли до Днестра, за которым лежали владения крымского хана. Подобную политику можно расценивать как попытку создания собственного государства под османским протекторатом.

Одно из ранних упоминаний Буджакской орды и собственно Буджака содержится “Сведения о походе в Крым Михаила Дорошенко” (старшего войска запорожского) от 1628 года, где отмечено, что “самым сильным из мурз ногайских был начальник Буджакской орды Кан-Темир мурза, владеющий южной частью Бессарабии от Аккермана до Килии, то есть так называемого Буджака” (Мемуары, относящиеся к истории..., 1896, с. 153).

Два близких по времени описания татар сделаны во второй четверти XVII века Жаном де Люком и Дортелли д’Асколи. Жан де Люк приводит титул крымского хана: хан татарский, ногайский и пр., перечисляя народы по их положению, и выделяет перекопских татар — собственно татар, которые занимают крымский полуостров, ногайских татар, называемых Малой ногайской ордой, подвластной крымскому хану, живущей вне полуострова и граничащей с Малороссией, и буджакских татар, “которые живут в окрестностях владения Басарабы или Белгорода. Они расположились на границах Валахии, между реками Днестром и Дунаем и берегами Черного моря” (Юрченко П., 1887, с. 476, 485, 488). Хотя борьба крымского хана с Хантемиром продолжалась, буджакские татары сохраняли независимость от ханства. Дортелли д’Асколи в “Описании Черного моря и Татари” 1634 года буджакских татар не упоминает, а различает крымских и ногайских: ногайские пришли в Крым двести лет назад из Скифии” (д’Асколи Д., 1902, с. 35, 36). Кэтим последним как раз относится род Хантемира, трагическая фигура которого находилась в центре кровавой вражды между татарами и ногайцами. д’Асколи употребляет географическое понятие Буджак, как вполне устоявшееся в представлении европейца, упоминая города “Киели” и “Акриман” в Румелии, легко сопоставимые с Килией и Аккерманом. “Киеля — большой отпускной порт для Буджака” (д’Асколи Д., 1902, с. 5). В анализе этой фразы показателен оборот “для Буджака”, а не “в Буджаке”,

что подтверждает нашу мысль о том, что прибрежная полоса Дуная не входила в понятие Буджак.

Крымский хан, апеллируя к султану, неоднократно пытался подчинить Хантемира-мурзу своей власти, принуждая его покинуть аккерманские земли, Буджак и выселяя в степи северо-восточного Причерноморья. Но Хантемир возвращался и вновь выступал против Крыма. После его смерти в 1637 году Буджакская орда осталась без лидера. Мало того, вскоре были уничтожены практически все мурзы этой ветви ногайцев.

Отзвуки хантемировского своеволия слышатся в “Описании Украины” Гийома ле Вассера де Боплана, где он, в частности, упоминает буджакских “мятежных татар” (де Боплан Гийом, 1832, с. 34). Последствия разгрома Буджакской орды видны в мемуарах Эвлии Челеби, которому известны десять аг, от-агу и от-кулу буджакских татар, полностью подчиненных сераскери-солтану крымского хана (Эвлия Челеби, 1961, с. 193), что может свидетельствовать о патриархальном характере социального устройства буджакских татар послехантемировского периода и отсутствия в это время орды как потестарного организма.

Следующая крупная волна мангытов, достигшая междуречья Днестра и Прута, связана с племенами Волжской орды, возглавляемых родами Орак-оглу и Орумбет-оглу, которых европейские источники в XVIII веке именовали буджаками.

Вполне вероятно, что название “буджаги” или “буджаки” в качестве экзоэтнонима, а затем этнонима, вторично и довольно позднего происхождения, не ранее XVIII века. Племена с таким названием отсутствуют в традиционных списках – илатийа – “узбекских” племен кочевников, проживавших от Урала до Инда в средние века, приведенных в монографии Т.И. Султанова (Султанов Т.И., 1982, с. 29). Понятие “буджаги” эквивалентно более позднему “ногайцы”; и тем, и другим европейцы обозначали разноплеменную массу степного тюркского населения. Некоторые исследователи, например, Г.Д. Агаев, а вслед за ним И.В. Дрон полагают, что этноним “буджаги” связан с потомками ногайцев именно Ногай, и ныне сохранился как топоним на территории Азербайджана, Туркмении, Румынии, Греции, Турции (Дрон И.В., 1992, с. 157). Столь частое употребление топонимата “буджак” на обширной территории как раз соответствует его первоначальному смыслу (см. выше) в качестве места, удобного для проживания, в древнетюркском языке.

Достаточно сложен вопрос о времени поселения ногайцев Орак-оглу и Орумбет-оглу в Буджаке, но можно усомниться в дате их переселения за Днестр, определенной 20-ми годами XVII века (Бачинский А.Д., Добролюбовский А.О., 1988, с.88). Сами имена мурз представляют традиционные родовые имена, многократно повторяющиеся в поколениях. Если допустить, что разные кальки этих имен: Урак и Урмамет у Эвлии Челеби, Орак-оглы и Орумбет-оглы у Димитрия Кантемира, Арак-улу и Ормамбет-улу в “Записке о происхождении едисанских,

буджакских и едичкульских татар” относятся к одним и тем же лицам, к тому же называемых всегда в паре, то надо признать гораздо более позднее время их появления к западу от Днестра. Исторически известный Урак-мурза, упомянутый выше, происходит из крымских или Малых ногаев. Он погиб в 1639 году и к этой волне не относится.

История ногайских племен Орак-оглу и Орумбет-оглу отчасти приведена у Эвлии Челеби, который сообщает, что вытесненные калмыками, а это происходило уже в 30-е годы, особенно в 1637 году (Богоявленский С.К., 1939, с. 76), “ногайцы Урака и Урмамета — один народ с ногайцами Шейдека и Адиля” — поселились за Днестром в окрестностях Аккермана и, освоившись в течение *нескольких месяцев* (выделено нами — С.П.), начали грабить молдавских и аккерманских подданных (Эвлия Челеби, 1961, с. 193), вследствие чего последовали карательные меры. Год переселения этой части ногайцев за Днестр у Эвлии Челеби не указан, но речь идет о событиях, происходивших не ранее 1659 и не позднее 1665 года, поскольку автор являлся их очевидцем во время одной из своих поездок. Скорее всего, это был третий визит Эвлии Челеби в Буджак, связанный с его поездкой в Крым в 1665-1666 гг. (Кизилев М.Б., 1993, с. 273), откуда он сопровождал хана Мехмед-Гирея IV под Аккерман. В молдавском научном издании предложена версия анализируемых событий, почему-то связывающая “ногайцев Адиля” с “восстанием буджакских и добруджских ногайцев 1624 г. под предводительством Кантемир-бея и выселением их из Буджака” и миссией Эвлии Челеби со ссылкой на последнего (Дрон И.В., 1992, с.21), однако из текста источника этого вовсе не следует, а контаминация автора вносит путаницу в наши представления об этой истории.

Прибывшие во второй половине XVII века ногайские племена Орак-оглу и Орумбет-оглу в состав буджакских татар не входили, а во время описываемых событий заключили с ними военный союз, вместе отказавшись от предписанного им султаном (Мехмедом IV — С.П.) переселения в Крым. Объединенное войско ногайских и буджакских татар, возглавляемое ногайцем Адилем, выступило в сражение с крымско-османскими войсками, выставив сорок тысяч воинов против восьмидесяти тысяч противника (Эвлия Челеби, 1961, с. 193-194). Битва произошла под Аккерманом, по нашему предположению в 1665 году, и ногайская сторона потерпела поражение. В том, что касается фактических данных, конечно же следует учитывать специфику мемуарного стиля Эвлии Челеби, о чем неоднократно сказано (Греков И.Б., 1979, с. 299-314; Санин С.А., 1987, с. 32), но так или иначе, переселение, очевидно, не состоялось по причине истребления значительной части народа в этом побоище. Какую-то часть ногайцев в Крым все-таки угнали, что видно из красочного описания Эвлией Челеби переправы у пункта Мияк (современное с. Маяки Одесской области), а остатки буджакских татар остались в Буджаке, как и роды Орак-оглу и Орумбет-оглу. Что касается происхождения последних, то, поскольку Эвлия Челеби подчеркива-

ет, что они считали себя “подданными-реаяя султана Баиссета”, имея на то соответствующие грамоты, можно предположить в числе их предков Муртазу-мурзу из Большой Орды, имевшего пожалованья Баязида II. Возможно, что какая-то часть ногайцев Большой Орды действительно перешла в османское подданство в 20-е годы XVII века, но само их переселение произошло не сразу, а после того, как их значительно потеснили калмыки, и ближе ко времени, описываемому Эвлией Челеби. Очевидно, остатки этих ногайцев поселились в Буджаке. Позже становятся известны земли их обитания: Орак-оглу — в центральной части междуречья, Орумбет-оглу — в юго-западной. Со временем улусы Орумбет-оглу переместились в северную часть бассейна реки Ялпуг, где их поселения зафиксированы в начале XIX века (Шабашов А.В., 1996, с. 85-86).

Положение в Буджаке во второй половине XVII века дестабилизировали многочисленные казацкие походы на “белгородских ногаев” запорожского кошевого атамана Ивана Сирко с 1659 по 1674 гг., и, особенно, в два последних десятилетия XVII века: сильный удар был нанесен в 1683 году, когда буджакских татар вместе с крымскими разбили под Веной, а молдавские войска господаря Петричейку и присоединившиеся к ним отряды гетмана Куницкого в это время разорили все кочевья Буджака, уничтожив большинство остававшегося там населения (История Молдовы и Валахии..., 1791, с.81). В ответ татары опустошили Молдову, но и сама буджакская степь еще свыше десятка раз подвергалась казацким походам

полковников Семена Палия и Якова Лизогуба, прекратившимся только с заключением Карловицкого мирного договора в 1699 году, положившего конец польско-османским войнам.

Сведения о внутреннем состоянии Буджакской орды в последней трети XVII века практически отсутствуют. Вероятно, будучи образованием кочевых и полукочевых племен разного происхождения, она не представляла собой стабильного формирования ни в XVI, ни в XVII вв., за исключением хантемировского периода, и всецело зависела от воли крымского хана и соображений султана, которые далеко не всегда совпадали, усугубляя проблемы буджакцев. Административный центр орды был перенесен из Ханкышлы в Каушан (современный г. Кэушень в Молдавии) на р. Ботна, в центральную часть степи, за которой отныне надолго закрепилось наименование Буджак.

В XVIII веке Буджакская орда приняла совсем иной облик и состояла из шести родоплеменных ногайских объединений, занимавших своими кочевьями весь Буджак от Днестра до Прута (Бачинский А.Д., Добролюбский А.О., 1990, с. 213). Изменился не только состав орды, но и характер жизнедеятельности, увеличилась территория обитания и, наконец, сформировалась “Буджак татарлеринум топраги” — Буджакская орда заключительного этапа своего существования, который достаточно освещен в специальной литературе и находится за пределами данного исследования.

Литература и архивные материалы

1. д’Асколи Дортелли, 1902. Описание Черного моря и Татарии. Одесса.
2. Бартольд В.В., 1968. Т. V. Мангыты. М.; Л.
3. Бачинский А.Д., Добролюбский А.О., 1988. Буджакская орда в XVI-XVII вв.// Социально-экономическая и политическая история Молдавии эпохи феодализма. Кишинев.
4. Бачинский А.Д., Добролюбский А.О., 1990. Конец Буджакской орды// Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.
5. Бертье-Делагард А.Л., 1902. Примечания к кн. Э. Дортелли д’Асколи. Описание Черного моря и Татарии. Одесса.
6. Богоявленский С.К., 1935. Материалы по истории калмыков в первой половине XVIII в.// Исторические записки ЛГУ. № 5.
7. де Боплан Гийом, 1832. Описание Украины. СПб.
8. Броневский Мартин, 1867. Описание Крыма// Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. Одесса.
9. Брун Ф.К., 1880. Черноморье// Записки Новороссийского университета. Ч.2. Одесса.
10. Гонца Г.В., 1984. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV - первой трети XVII века. Кишинев.
11. Греков И.Б., 1979. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVII-XVIII вв. (по данным Э. Челеби)// Россия, Польша и Причерноморье в XV- XVIII вв. М.
12. Губогло М.Н., 1969. Гагаузы// Наука и жизнь. № 10.
13. Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.

14. Добролюбовский А.О., Руссев Н.Д., 1986. Кочевое и оседлое население Северо-Западного Причерноморья в X-XIV вв.// Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.
15. Дрон И.В., 1992. Гагаузские географические названия. Кишинев.
16. Еремеев Д.Е., 1971. Этногенез турок. М.
17. Исторические связи народов СССР и Румынии, 1965. Т. I. М.
18. История Молдовы и Валахии с рассуждением о настоящем сих обоих княжеств, 1791. Пер. с франц. СПб.
19. Кантемир Димитрий, 1773. Описание Молдавии. Кишинев.
20. Кизилов М.Б., 1993. "Книга путешествий" Эвлии Челеби как источник сведений о быте крымских татар XVII в.// Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. Т. III. Симферополь.
21. Киртоагэ И.Г., 1992. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484-1595 гг.). Кишинев.
22. Комнина Анна, 1965. Алексиада. М.
23. Лэн-Пуль Стенли, 1899. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. СПб.
24. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XVI вв., собранные В.А. Уляницким, 1887. М.
25. Мемуары, относящиеся к истории южной Руси, 1890. Вып. I (XVII ст.). К.
26. Меховский Матвей, 1934. Трактат "О двух Сарматиях". М.; Л.
27. Новосельский А.А., 1948. Борьба Русского государства с татарами в XVII в. М.; Л.
28. Османская империя в первой четверти XVII века, 1984. Сборник документов и материалов. М.
29. Параска П.Ф., 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.
30. Пахимер Г., 1862. История Михаила и Андроника Палеологов. СПб.
31. Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. М.
32. Санин С.А., 1987. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века (1654-1657 гг.). М.
33. Сборник Русского исторического общества, 1895. Т. 95.
34. Скржинская Е.Ч., 1971. Вступительная статья, перевод и комментарии к кн. Иосафата Барбаро "Путешествие в Тану"// Барбаро и Контарини о России. М.
35. Султанов Т.И., 1982. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. М.
36. Тунманн, 1991. Крымское ханство. Симферополь.
37. Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
38. Челеби Эвлия, 1961. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. I. Земли Молдавии и Украины. М.
39. Шабашов А. В., 1996. К локализации поселений ногайцев Буджакской орды в начале XIX века// Етнографічні дослідження населення України. Одеса.
40. Юрченко П., 1887. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка// Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса.
41. Яковенко Н.М., 1997. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. К.

Summary

S.V. Palamarchuk (Odessa)
Turks of Budzhak in the late Middle Ages

The paper aims to be an introduction into the history of the Turkish population of historical region Budzhak located at the steppe area between the Dniester and the Danube rivers. The evidence of the European authors proves the conventional historico-geographical character of naming of different ethnic groups.

Budzhak was inhabited by Tartars of Dobrudzha, Belgorod (Akkerman), Budzhak and Nogai Horde. This population was constituted by the Turkish tribes of different origin and they were not an integral

social organism. The first Budzhak inhabitants were the descendants of the pre-Golden Horde population – the Kumans and the nomadic Uluses of the Golden Horde. They have formed the substratum of the Turkish Budzhak population. In the XVIIth–XVIIIth cc. the Nogai people became the main population of the area. They represented the superstratum that was being formed during the late medieval period. The name “Budzhak people” came into use later to identify the Nogai people of the Budzhak Horde in the XVIIIth c.

S.W., Palamartschuk (Odessa)
Turkvölker von Budschak im Spätmittelalter

Dieser Beitrag ist eine Einführung in die Geschichte der Bevölkerung von dem historischen Gebiet Budschak (der Steppe zwischen dem Dnestr und der Donau). Berichte der europäischen Autoren deuten auf einen geschichtlich-geographischen bedingten Charakter der Benennungen verschiedener ethnischer Gruppen.

In Budschak lebten Tataren: dobrudschinische, belgorodische oder akkermanische, budschakische und nogaische. Diese Bevölkerung wurde von den Turkstämmen verschiedener Herkunft gebildet, und das war kein einheitlicher sozialer Organismus. Die ersten Budschaker waren die Nachkommen der vorgoldenhordischen Bevölkerung, nämlich Kumanen und nomadenhaften Ulusen der Goldenen Horde. Sie bildeten das Substrat der Turkbevölkerung Budschaks. In den 17.-18. Jh. wurden die nogaischen Tataren zum zahlreichsten Teil der Bevölkerung in diesem Gebiet. Sie bildeten das Substrat, das im Laufe des Spätmittelalters formiert wurde. Die Benennung Budschaker ergab sich später und deutete auf die nogaischen Tataren der budschakischen Horde aus dem 18. Jh.

S.V. Palamartchouk (Odessa)
Turks de Boudjak au Moyen âge avancé

L'article présente une introduction dans l'histoire du peuple turc de Boudjak (steppe entre deux fleuves Dniestr et Danube). Les témoignages des auteurs européens relèvent le caractère historico-géographique conventionnel de la désignation des groupes ethniques différents.

Boudjak fut habité par des tatars: dobrouj, belgorod (akkerman), boudjak, nogai. Cette population était formée à la base des tribus turques d'origine différente et ne présentait pas un organisme social uni. Les premiers habitants de Boudjak furent les descendants des tribus des coumans de l'époque avant la Horde d'Or et des oulouces nomades de l'époque de la Horde d'Or. Ils ont formé le substrat de la population turque de Boudjak. Nogaï furent la population principale de cette région aux XVII-XVIII siècles. Elle fut le superstrat, qui se forma au cours de la fin du Moyen âge. La nom “Boudjak” apparaît plus tard et défini les nogai comme tels qui appartiennent à la Horde de Boudjak du XVIII siècle.